

> ТПУ «Панфиловская» («Ходынка») на Московском центральном кольце

Гость фестиваля – Тимур Башкаев / The Festival Guest Timur Bashkaev

Рассматриваются проблемы закономерностей архитектурного развития и принципы современных градостроительных проектов. Формулируется необходимость нахождения «точек роста» города, инновационный подход к транспортной проблеме Москвы. Обсуждается проект вертикального, многоуровневого города и уплотнения городской среды. Предлагаются варианты увеличения зеленых зон города. Ключевые слова: градостроительство, городская среда, принцип природного урбанизма, архитектурная элита, современная архитектура, миссия архитектора, архитектурная традиция, моделирование природных процессов. /

The article features the principles of architectural development and contemporary urban planning projects. It tells about the necessity to identify the city's 'growing points', as well as about an innovative approach to the transport problem in Moscow. The article also discusses designing of a vertical, multi-level city and densification of urban environment. Different alternatives for enlargement of green areas are proposed.

Keywords: urban planning; city environment; natural urbanism principle; architectural elite; contemporary architecture; architect's mission; architectural tradition; modeling of natural processes.

Для участия в работе ЗВС-2016 из Москвы прилетел Тимур Башкаев, руководитель ООО АБТБ, профессор МАрхИ, главный архитектор ОАО «МКЖД». На мастер-классе он сформулировал принципы своих градостроительных проектов последнего времени. Без инновационного подхода к центральной для города транспортной проблеме, считает архитектор, невозможен его рост и развитие. Для Москвы таким решением является формирование нового скоростного кольца внеуличного транспорта в Москве. Все возрастающая плотность городской среды и одновременно необходимость увеличения зеленых зон стали для Башкаева креативной задачей, решение которой – концепция зеленой зоны на платформе «Новая Земля», первый шаг в переходе от горизонтального к вертикальному, многоуровневому городу.

После мастер-класса члены редколлегии Константин Лидин и Марина Ткачева взяли у Тимура

Башкаева интервью. Беседовать с ним было чрезвычайно интересно. Человек с широким и, если так можно сказать, неожиданным кругозором, он умеет быстро реагировать на возникающие в разговоре темы, а главное – ему необходим диалог для собственного самоопределения.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Практически во всех ваших работах проскальзывает сходство со стилем великих мастеров: Сааринен, Корбюзье, Аалто... Все это фигуры начала прошлого века. Такая легкая старомодность. Англичане считают это признаком аристократизма и очень ценят. У вас это получается само собой, стихийно или преднамеренно?

ТИМУР БАШКАЕВ Вполне возможно, что это есть. Корбюзье – кумир детства. Принципы, которые он сформулировал, по-прежнему актуальны для всего мира: зеленая кровля, свободный план, оторванные этажи. Я люблю историю архитектуры. Но специально никому не подражаю.

^ Градостроительная концепция реконструкции города «Новая Земля». Архитекторы: М. И. Адиев, А. В. Даровских, Т. И. Башкаев

^ Градостроительная концепция застройки Кутузовского пр. от 3-го кольца до МКАД. Архитекторы: М. М. Посохин, А. Р. Асадов, А. В. Горяинов, Д. В. Шитов, О. И. Шишов, М. И. Адиев, О. В. Сергеева, Г. А. Чумичев, Т. И. Башкаев

КЛ Довольно много людей считает, что в XX веке мы слишком быстро продвигались вперед, оставляя позади нереализованные идеи, концепции, проекты. Теперь пришло время не изобретать новое, а в истории черпать материал для сегодняшнего дня.

ТБ Я не верю, что какой-то процесс можно остановить. Если мы посмотрим на историю архитектуры, то там найдем сотни нереализованных проектов; осуществляется малый процент от задуманного. Так было всегда. Наше время уникально: темп изменений нарастает, это объективный факт, и вернуться в прошлое концептуально невозможно.

КЛ Но в ваших работах как раз возвращение. Разве Корбюзье – не прошлое?

ТБ Корбюзье – это основа, парадигма. А парадигма – не стилеобразующая вещь; она гораздо глубже, основательнее. Так я вижу. Я верю в глубокое родство разных течений, принадлежащих одному времени. Например, модернизм определить трудно, но в каждом случае мы его безошибочно узнаем.

МАРИНА ТКАЧЕВА Тема предыдущего нашего журнала – «Элиты». Как бы вы охарактеризовали архитектурную элиту сегодняшнего дня?

ТБ Элита – это умные художники. Это сложно расшифровать. Есть рисовальщики-эпигоны. Они мне неинтересны. Если за этим нет глубокой философской и этической

базы, то для меня это не элита. Но и высокобоязья мудрость без божьей искры, без чувства творчества – тоже неинтересно; это только мастерство. В архитектуре это люди с бэкграундом, находящиеся в потоке времени, одновременно с большим творческим импульсом. Их очень мало.

КЛ Еще Платон считал, что элиты вырождаются уже во втором поколении. А потом приходит новая элита. История – это такое кладбище элит...

ТБ Мне кажется, все не так просто. Естественно, происходит и наследование, и обновление; это закон развития. Но более длинными периодами...

МТ Длинные волны...

КЛ И в какой части цикла находится архитектура сегодня?

ТБ Я нахожусь внутри процесса, и находить оценки изнутри крайне сложно. Слишком много зыбкого, неверного. Оценка больших художников – а элита в основном – это художники – их нагоняет культурный вектор. И когда это соответствие с культурным вектором обнаруживается, они становятся великими. Творцы уходят вперед, но они не создают этот вектор. Есть масса одаренных и гениальных архитекторов – Гауди, Хундертвассер, но они не создали вектора направления. Развитие пошло не по их пути, а по пути Кензо Танге и Корбюзье. Они ушли вперед, машина развития их догнала, и они

стали великими, стали элитой. Да, иногда бывают перерывы, временное забвение, зигзаги, но это только подтверждает мою мысль: в конце концов вектор их догоняет. Это разведчики...

КЛ Это одиночки, которые выкапывают русло...

ТБ Но корабль все равно идет по своим законам...

МТ И без последователей тоже нельзя: гений создает образцы, а таланты их подхватывают и разрабатывают.

ТБ Идеи великого человека подхватываются более широким пластом, но они должны понравиться. Иначе их создатели останутся непризнанными гениями. Но процесс этот диалектический: гении намечают, но вовсе не обязательно найдутся последователи. С другой стороны, кто-то, кто может проложить эту дорогу, но не занимается этим...

КЛ Если бы Корбюзье утонул в ванночке в два месяца, сегодняшней архитектуры не было бы?

ТБ Думаю, что сама идеальная модель все равно была бы сформулирована: в России ведь были Веснины еще в 20–30-е годы.

МТ Но несколько в ином виде...

ТБ Да, архитектура, как и любой вид творчества, неповторима: среднестатистический процесс осуществляется, но то, что не сделаешь ты, не сделает никто. И если ты не сделаешь что-то именно сегодня, то время уйдет, и ты уже никогда не

сделаешь этого. Это меня в профессии архитектора глубоко удовлетворяет, и это истинное чудо.

МТ Как и у художников.

КЛ И у ученых тоже: ведь ученые создают модели, искусственные объекты, которые имеют в принципе совсем иную природу, чем законы самой реальности; они созданы на логической основе. Это чудо науки: реальность – то одна и та же

ТБ Да, любая модель – это лишь приближение...

КЛ Хочу спросить вот о чем. В ваших поездках по миру вы наверняка сталкивались с тем, что в каких-то регионах количество творцов приближается к нулю, а в каких-то просто зашкаливает. Как таким сверхтворческим регионам относится Россия. В результате мы им цену не знаем...

МТ Поэтому они рассеиваются...

КЛ Сейчас за пределами страны живет 11 млн россиян; больше только индусов, да в последнее время нас обогнали мексиканцы. Но «рашен таунов» нигде нет. Мы растворяемся в чужой культуре и двигаем ее изнутри. Такое впечатление, что основной предмет экспорта из России сегодня – талантливые и образованные люди...

ТБ Я очень боюсь тем, связанных с национальностями. Мне кажется, что в разные периоды разные страны становились в авангарде развития. Но я знаю, что как архитектор я за границей никому

^ «Зарядье». Концепции интерьерных решений

не нужен, меня там не знают. К сожалению, мы культурно отрезаны от мировых архитектурных потоков.

МТ Природа в городе. Словосочетание «природный урбанизм» принадлежит американцам, но вы его очень своеобразно трактуете.

ТБ Как любая модель, она более-менее условна. Раньше отношение природы и города представлялось дихотомией, противоречием, урбанизм априори противопоставлялся природе: чем больше одного, тем меньше другого; рост одного означает ущерб другого. Мне кажется, пора отказаться от этой парадигмы. В словосочетании «природный урбанизм» снимается противопоставление природы и города; урбанизм для того и делается, чтобы развивать природу, а не забивать ее. Для меня очень важно, что в проекте «Зарядье» парк всплывает наверх, он побеждает. Все бетонные субурбии сделаны для того, чтобы наверху был парк. Это этически потрясающе.

МТ Тогда – что же такое природа?

ТБ Для нас это некий символ. Если по-честному, то Зарядье – это, конечно, не природа как таковая; это и реально невозможно: там воздух, и гидрогеология – все другое. Это будет какое-то воспоминание о природе, модель природы. И это тоже заложено в принципе природного урбанизма. Строго говоря, любое действие человека есть нарушение природных биоценозов.

Природа превращается в «не-со-всем-природу».

КЛ Присутствие человека на Земле уже в глобальном масштабе изменило биоценоз, ибо оно не могло бы иначе размножаться в таких количествах.

ТБ Совершенно верно. И распаханная почва, и создание новых пород животных и видов растений, и уничтожение каких-то видов. Если же уйти от научно-фактологического описания, то природа есть образ, причем у всех у нас он разный. Я вдруг понял, что главный критерий природы – что она живая. Вот муляжи деревьев и цветов, выставленные в городе. Они могут стопроцентно повторять природные, но как только ты понимаешь, что они неживые, они стопроцентно выпадают из твоего ценностного образа природы, их ценность для тебя падает до нуля. Урбанизм имеет гигантское отличие от природы – он неживой, искусственный. Мы перестаем испытывать какие-то чувства, когда вплотную соприкоснемся с искусственным объектом. Для меня природа – это отношение, и стереотипы этого отношения зашифрованы глубоко в мозгу. Пока ты обманываешься, для тебя муляж – полноценная природа, и ты переживаешь это чувство. Как только ты понимаешь, что перед тобой муляж, образ умирает.

МТ Есть очень давнишний американский фантастический рассказ. В нем человек будущего устал от муляжей, роботов и иллюзий. Он ищет

настоящее, забредает в дивный парк и когда вырывает из земли цветок, обнаруживает там провода. Взрезает себе вены, а когда кровь вытекает, обнаруживается, что он тоже робот.

КЛ Я убежден, что у человека есть «чувство живого», и я его испытывал. Наверное, как и любое другое чувство, другой канал – визуальный, обонятельный, тактильный, мышечный – его тоже можно обмануть. Но если природа – субъективный образ, иллюзия, то зачем нам реальные деревья? Может, лучше совершенствовать имитации?

ТБ Ключевое отличие – в смертности живого, это рубикон двух абсолютно разных миров – живого и искусственного. И ощущение страха, и сильное восхищение таят в себе ощущение смерти. Это равно экстремальные переживания, они возникают, соответственно, в экстремальных ситуациях.

КЛ «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» В любом пике переживаний, предельной эмоции есть ощущение смерти.

ТБ Любая природа каким-то образом завязана на наше сознание: на способность . восстанавливаться, релаксировать, снимать стрессы. Это так, потому что это очень нужно. Есть еще одно отличие: любое искусственно сконструированное, даже очень сложное устройство, лишено свободы воли, способности совершать иррациональные

поступки, лишено сингулярности. Как только такую полноценную машину Тьюринга удастся построить, различие между живым и неживым будет стерто.

КЛ Мне кажется, что все равно мы будем распознавать живое на уровне того самого чувства живого. Если же мы не будем уметь распознавать иллюзии, то возникает вполне пессимистический вопрос: а зачем нам сохранять эту самую природу, если мы можем создавать ее муляжи?

ТБ Во-первых, создавать столь совершенные муляжи очень дорого. Да и сама по себе природа очень дорого стоит, зачем же увеличивать траты, создавая ее суррогат? Во-вторых, как только муляж будет распознан как обман, все вернется на круги своя.

КЛ Но ведь люди сами создают живое: новые породы и виды растений и животных, ГМО... На уровне микромира отсутствие четких границ живого и неживого особенно ощущается. Но когнитивные механизмы начинают действовать потом, а первичны – эмоциональные структуры восприятия.

ТБ Мне кажется, есть только одна сфера, где иллюзией восхищаются больше, чем природой: современный кинематограф. Мы уже заведомо знаем, что это создано искусственно: «Аватар», например. Очень важна здесь мера условности: искусство не обманывает нас относительно своей сущности.

^ ТПУ «Рязанская»

МТ Наверное, именно поэтому в словосочетании «природный урбанизм» есть глубокий смысл.

ТБ Честно говоря, в интерьерах мне больше нравятся проекции пейзажей на экране, чем сухое дерево или китайский суррогат в бочке.

КЛ Надо понять, о чем мы говорим, рассуждая о природе в городе. Возникает множество смыслов; некоторые из них выглядят просто жутковато. Далеко не все живое вызывает восторг: скажем, некоторые насекомые или плесень.

ТБ Привычно мы называем природой то, что соразмерно нашим антропологическим характеристикам.

МТ Наш журнал междисциплинарный, поэтому мы можем затрагивать самые разные темы, в том числе и те, которые напрямую не касаются архитектуры. Но мне хотелось бы, чтобы вы расшифровали суть ваших творческих принципов. Первый, как вы сказали, – это принцип идеальной модели, которую архитектор стремится воплотить и реализация которого может приводить и приводит к личностным разочарованиям. Я думаю, что так всегда и бывает – и в творчестве, и в истории, это закон несоответствия идеального и реального...

КЛ Зато сколько переживаний!

ТБ Да. Но кроме этого, мне всегда хотелось быть интересным людям. У меня нет высоколобого

снобизма. Есть высокоталантливые люди, которые ставят такие планки для себя, что им уже никакое общественное мнение не нужно. Я считаю, что сделанное мною должно нравиться – моим близким, людям, которые являются моими единомышленниками. Я не считаю себя таким великим художником, которые, как Шагал, делают так, как ему нравится и ждет, когда его нагонит волна развития и его признают гением. Моя архитектура – для моего поколения: для вас, для моей среды, для моих детей. И мне хочется, чтобы им и вам она нравилась.

КЛ А вашим детям ваши проекты нравятся?

ТБ Да. Я, конечно, не могу проверить это на искренность, но мне важно, чтобы им нравилось на уровне именно эстетического переживания. Даже в минималистических проектах и интерьерах должно быть что-то созвучное человеку, чтобы ему нравилось смотреть, чтобы ему было комфортно, чтобы у него возникали ассоциации с личным и культурным опытом. Это моя этическая концепция, мне это важно; я не вижу себя непонятым художником, который надеется, что его нагонит волна развития и его оценят. Для меня люди важнее принципов. Мне необходимо, чтобы мои проекты вызвали такое отношение к природе, которое не могло бы возникнуть без них, чтобы природа раскрылась людям в таком свете, который был бы невозможен

без архитектуры. Это касается и интерьеров тоже.

МТ Такая человекообразность.

ТБ Да, я понимаю, что не могу нравиться всем без исключения. Как всегда, есть круг людей, с которыми я себя ассоциирую. Но их много, это не два-три моих коллеги.

МТ То есть вы – не элитный художник.

ТБ В смысле избранности и непонятности – да.

МТ Я люблю спрашивать о том, с каким бы живым существом вы себя ассоциировали?

ТБ Удивительно красивое дерево – африканская акация. У него очень длинный ствол, почти голый, а потом оно очень красиво и асимметрично уходит в крону, расходится вверху. У него совершенно фантастический силуэт – и динамичный, и раскидистый, и потрясающе графичный. Еще я бы нашел сходство себя с собакой. Она, конечно, хищник, но хищник контролируемый. Собаки мне близки по ощущениям, но тоже не все. Такса – моя собака; кинологи говорят, что это порода и была выведена, чтобы самой принимать решения. Это собака-личность, у нее есть достоинство...

КЛ Последний вопрос. Представим себе, что искусство иллюзий достигло предела, и есть возможность создать любую реальность. Какой бы мир вы для себя создали?

ТБ Мне очень нравятся разнообразные ландшафтные осуществ-

вления на предельном уровне. Как в «Аватаре»: бесконечное море, бесконечное небо – все, что вызывает безусловное восхищение. В идеальном мире искусственное существование было бы деликатно интегрировано в пространство природное, искусственное выросло бы из природного, может быть, между ними стирались бы границы. Но это не значит, что я бы эти границы прятал.

КЛ Были бы в этом пространстве люди?

ТБ Я людей люблю, мне общение нужно; без людей все теряет смысл. Я и преподаю много, и дипломами в МАрХИ бесплатно руковожу. Я вижу в этом свою миссию. Люди, конечно, разные, но я всегда живу в ожидании чуда – от своих сотрудников, чтобы они придумали что-то потрясающее. Со студентами – то же самое. Само появление образа – это чудо; процесс появления описать невозможно. Когда мы проектировали Зарядье, у нашей сотрудницы вдруг появился какой-то совершенно немыслимый синий потолок для зала льда. И ни она, ни мы все не смогли его повторить. Пришлось полностью переделать концепцию. Казалось бы, это вопрос техники, а повторить не получилось. Это и есть чудо, когда образ не вытекает ни из описания, ни из конкретного заказа. Вот я и живу в ожидании таких моментов и у других, и у себя тоже.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**